

Лишь к пяти-шести утра Тун Хуайцин погрузился в полузабытьё. Даже сжимая в кулаке мягкое ухо плюшевого кролика, успокоиться он так и не смог — на душе было тревожно и муторно.

Первыми отозвались птицы: за окном на разный лад зазвенели пичуги. Следом раздался затяжной зевот Чэнь Сяньяна и шарканье шлёпанцев Чи Ино. Девочка пошла умываться, но шум струи, бьющей в таз, внезапно оборвался пронзительным воплем:

— Брат, ты почему ещё спишь?!

Дверь напротив с грохотом распахнулась, ударившись о стену. Голос Чи Е звучал хрипло, будто он накануне смолил одну за другой:

— Который час?

— Семь тридцать! — сориентировался Чэнь Сяньян.

Обычно трудолюбивый старший брат сегодня явно проспал и не приготовил завтрак. Готовить на скорую руку было уже поздно. Чи Е что-то буркнул в оправдание, и тут же раздался радостный писк Чи Ино:

— Ура! Тогда я куплю себе булку с куриной ножкой!

Домашняя еда, какой бы вкусной ни была, иногда надоедает, а получить немного денег на любимое лакомство — настоящее счастье для ребёнка.

Тун Хуайцин уткнулся лицом в подушку, поджав ноги. Голова раскалывалась.

Вскоре чья-то рука осторожно отвела от его лба влажные от пота пряди. Яркий утренний свет резанул по глазам, и Хуайцин попытался глубже зарыться под одеяло.

Чи Е оглядел вспыхнувший алостью кончик его уха и с сомнением прикоснулся ко лбу. Ну надо же, опять жар. Досада мгновенно улетучилась, уступив место полному бессилию.

Прошлой ночью он и сам не мог улечься, ворочался с боку на бок, а когда едва успел провалиться в сон, его разбудил детский крик. Вскочив в панике, Чи Е глянул на часы и обомлел: надо же, и с ним случилась такая дичь — проспал.

Сбыв ребяtnю с рук, он в досаде взъерошил шевелюру, ополоснул лицо ледяной водой и только потом пошёл проводить Хуайцина.

Тот сжался под одеялом, словно нахохлившийся перепел. Утро выдалось прохладным, а у него

волосы взмокли, дыхание стало тяжёлым, прерывистым и затяжным.

Тяжело вздохнув, Чи Е покорно поплёлся к сумке Хуайцина и достал остатки лекарств. В прошлый раз тот так до конца и не долечился, так что к врачу бежать не пришлось — оставалось допивать то, что было.

Приподняв больного, Чи Е попытался усадить его, но тот был совсем ватным и беспомощно сползал обратно. Делать нечего: пришлось обнять его за плечи, фиксируя в своих руках, и слегка встряхнуть:

— Эй, проснись.

В ответ раздалось лишь едва слышное тихое стенание, и к шее Чи Е прикоснулось горячее дыхание. Стало щекотно и как-то не по себе.

Нахмурившись, Чи Е слегка отстранил его голову, открывая тонкую, хрупкую шею. Вроде бы взрослого мужчину обнимает — плечи широкие, хоть и худые, лопатки острием упираются в грудь, — а всё равно кажется безнадёжно хрупким.

— Всё ещё спишь? Вставай, надо выпить лекарство.

Он попытался выпрямить Хуайцина, но тот снова бессильно уронил голову ему на плечо, обжигая коснувшейся кожей. На этот раз Чи Е отодвигать его не стал.

— Тунтун? — тихо окликнул он.

Длинные ресницы даже не вздрогнули.

— Как тебя там... Тун Хуайцин?

Покликав ещё пару раз и не получив ответа, Чи Е решил не терять времени и сходить за доктором. Но едва он бережно опустил Хуайцина на кровать, как тот вдруг открыл глаза. Взор его, обычно чистый и ясный, подёрнулся туманной пеленой.

Он уставился на Чи Е в упор:

— Чи Е?

Хуайцин протянул руку и поднёс ладонь к его щеке. Взгляд его был отрешённым и невероятно спокойным.

— Это ты? — спросил он совершенно сорванным голосом.

Чи Е замер в полунаклоне: левая рука упиралась в матрас, одна нога уже нащупала шлёпанец, но двигаться он не смел. Накануне тот умял половину его лепёшки с яйцом, а теперь что — не узнаёт?

Хуайцин не убирал ладонь, обжигающую щеку калёным железом:

— Мне снился сон.

Горло Чи Е сжалось. На душе ни с того ни с сего заскреблась непонятная тревога. Может, оттого, что в комнате стояла тишина, нарушаемая лишь благоуханием белоснежного жасмина, чей ненавязчивый аромат мягко струился по комнате.

— Мне часто снятся сны, я плохо сплю, — медленно, размыто проговорил Хуайцин, тяжело дыша. — А ещё постоянно болею и доставляю всем неприятности... Ведь так?

«Ещё как, — мысленно отозвался Чи Е. — Ни ветерка не терпишь, ни дождика». Ему уже казалось: не слёг ли тот с лихорадкой просто потому, что он сам накануне сболтнул лишнего? Из-за бессонной ночи его собственный голос звучал слишком глухо. Чи Е прочистил горло:

— Вовсе нет.

Парень явно бредил от жара, поддакивать ему сейчас точно не следовало.

Хуайцин медленно опустил руку, взгляд его совсем расплылся:

— Вот я и говорю... бестолковый я человек.

«С чего вдруг бестолковый?» Чи Е чувствовал, как от прикосновения этой горячей ладони у него самого запылала щека. Стало неловко. Прижав тыльную сторону кисти к своему лицу, он смущённо отвёл взгляд:

— Ладно, я сперва принесу лекарство.

— Ни на что не годный, — похоже, Хуайцин вошёл во вкус. Прежняя вялость куда-то улетучилась, щёки пылали румянцем, а речь становилась всё торопливее. — Ты слышал, как я играю на пианино? На самом деле у меня нет никакого таланта. Всё это — лишь зубрёжка и бесконечные тренировки. Лучшие преподаватели, муштра с утра до ночи... Я сел за клавиши, едва научившись ходить. Смешно, правда? Ты вот постоянно считаешь меня избалованным и неженкой, но я ведь вынес всю эту пытку музыкой. Я не сдался.

— Если честно... — он прерывисто вздохнул и слабо улыбнулся, — я умею терпеть боль.

Чи Е приложил к щеке другую руку — что за чертовщина, неужто лихорадка передаётся по воздуху?

Хуайцин обнял колени руками и вдруг лёгким, почти радостным тоном добавил:

— Но знаешь что? Я больше не могу играть.

Чи Е наконец поднял глаза и встретил его взгляд:

— Это ещё почему?

В музыке он не смыслил ни черта, но в последние годы у них в уезде начался бум на всяческие кружки: родители наперебой пихали детей учиться кто во что горазд — от рисования и гучжэна до ментальной арифметики, баскетбола и го. И уж, разумеется, пресловутое фортепиано. Он сам видел, как тамошние педагоги лет сорока-пятидесяти спокойно сидели за инструментами и играли.

— Пальцы... — Хуайцин чуть наклонил голову, глядя на него. — Они дрожат. Я не могу их контролировать.

Чи Е взял его за руку и внимательно осмотрел ладонь. Ничего необычного он не заметил. Белая, пальцы длинные — вот и всё.

Впрочем, Чи Е вообще был парнем неотёсанным и к женской или мужской красоте оставался глух. Когда ребяташки впервые увидели Тун Хуайцина, у них аж рты раскрылись от восторга. Чи Ино, наслушавшись своих сериалов, вообще ляпнула, будто брат Тунтун похож на сошедшего с небес небожителя. Чепуха какая-то. Чи Е ничего эдакого не замечал. Разве что казался ему этот парень по-своему милым, да и только.

Белоснежная кисть Хуайцина на фоне загорелой, смуглой руки Чи Е выглядела совсем невесомым облачком — чистым и нежным. Лишь секунду спустя Чи Е сообразил, что сам не заметил, как сжал и слегка погладил его ладонь. Мягкая.

Хуайцин, кажется, совсем лихорадил и не обратил на это внимания:

— Вот так они не дрожат. И в обычной жизни это бывает редко... Но стоит прикоснуться к клавишам — и всё. Я... не хочу никому говорить. Никто не знает.

Чи Е поспешно выпростал свою руку и снова приложил к щеке — чёрт побери, теперь и у него пальцы горели!

— А к врачам ходил?

— Ходил, — Хуайцин слабо улыбнулся. — И к обычным, и на иглоукалывание. Искололи всего, как ежа.

Чи Е поднял взгляд. Ему трудно было представить, как этот неженка, у которого от любого прикосновения остаются синяки, терпит иголки.

— Так что то, что я встретил тебя... наверное, судьба, — Хуайцин заторможенно моргнул, всё ещё находясь в плену бреда. — У меня сейчас нет никакой цели, живу как в тумане... В общем, спасибо тебе.

Проговорив это, он смежил веки и молча откинулся назад. Чи Е вовремя среагировал: поймал его за спину и удержал. Но холодный пот прошиб его знатно.

«Чёрт, предсмертное просветление, что ли?!»

В следующую секунду Чи Е вlepил себе лёгкую затрещину. Тьфу ты, нечистая сила, ну и дрянь в голову лезет!

Желая сказать хоть что-нибудь на удачу, он в панике вспомнил лишь то, как вчера выкатывал яйцом Чи Ино на день рождения, и принялся судорожно ерошить шелковистые волосы Хуайцина:

—... От макушки до пяточек катаем, все беды и невзгоды отгоняем. Гони боль, гони беду, всё дурное — на бегу!

Подумал немного и тише добавил:

— Тунтун будет здоров и невредим. В полном порядке.

<http://bllate.org/book/19966/1985867>